

КАСТИЛЬСКИЕ КОРТЕСЫ

22645

ВЪ ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

(1188—1520).

ИЗСЛЕДОВАНИЕ

Владимира Пискорского.

Приватъ-доцента Университета Св. Владимира.

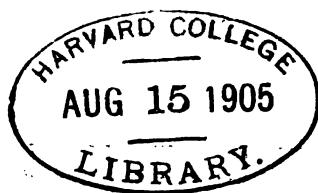
КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета Св. Владимира.

Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.

1897

Span 75.10

Thesis fund

Печатано по определению Совета Императорского Университета Св. Владимира.
Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1897 годъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

1. Введение	I—XVII
2. Часть I. Организация кортесовъ	1— 84
ГЛАВА I. Составъ кортесовъ:	
§ 1. Король и три государственныхъ чина въ кортесахъ (стр. 1—6); § 2. Король и его приближенные (стр. 7—10); § 3. Дворянство (стр. 10 — 15); § 4. Духовенство (стр. 15 — 20);	
§ 5. Общины (стр. 20 - 30).	
ГЛАВА II. Организация представительства общинъ въ кортесахъ:	
§ 1. Избраніе депутатовъ (стр. 32—39); § 2. Депутатскія полномочія (стр. 39—44); § 3. Вознагражденіе и привилегіи депутатовъ (стр. 44—49).	31— 49
ГЛАВА III. Созваніе кортесовъ:	
§ 1. Пригласительный письма (стр. 50—52); § 2. Время собрания (стр. 52—56); § 3. Мѣсто собранія (стр. 56 - 58).	50— 58
ГЛАВА IV. Порядокъ засѣданій кортесовъ:	
§ 1. Открытие и церемоніаль засѣданій (стр. 59—71); § 2. Совѣщанія чиновъ (стр. 71 — 76); § 3. Петиціи (стр. 76 — 82);	59— 84
§ 4 Закрытие засѣданій (стр. 82—84).	
3. Часть II. Компетенція кортесовъ	85—160
ГЛАВА I. Роль кортесовъ въ разрѣшеніи вопросовъ престолонаслѣдія и регенерства:	
§ 1. Слѣды избирательного начала въ порядкѣ престолонаслѣдія до и послѣ изданія „Siete Partidas“ (стр. 87—90); § 2. Частные случаи вмѣшательства кортесовъ въ вопросы престолонаслѣдія (стр. 91—94); § 3. Роль кортесовъ въ случаяхъ несовершеннолѣтія королей (стр. 95—101).	87—101
ГЛАВА II. Законодательство:	
§ 1. Обзоръ основныхъ воззрѣй на законодательную роль кортесовъ (стр. 102—106); § 2. Принципы совмѣстной законодательной дѣятельности чиновъ и короля въ кортесахъ	102—120

(стр. 106—113); § 3. Развитие личного законодательства короля и упадокъ законодательного значенія кортесовъ (стр. 113—120).	
ГЛАВА III. Вотированіе налоговъ:	121—145
§ 1. Право сословій вотирывать налоги и случаи нарушенія его (стр. 121—136); § 2. Право контроля надъ взиманіемъ и расходованіемъ вотириемыхъ субсидій (стр. 136—140); § 3. Влініе кортесовъ на управление государственнымъ хозяйствомъ (стр. 140—145).	
ГЛАВА IV. Влініе кортесовъ на внутреннее управление и внѣшнюю политику:	146—160
§ 1. Взаимныя отношенія между кортесами и Королевскимъ Советомъ (стр. 146—152); § 2. Влініе кортесовъ на организацию и деятельность судовъ (стр. 152—155); § 3. Объявление войны, заключеніе мира и союзовъ, какъ акты народной воли, выражаемой въ кортесахъ (стр. 156—160).	
4. Заключеніе	161—162
5. Приложение	163—180
6. Источники рукописные и печатные	181—185

В В Е Д Е Н И Е.

I.

Предметомъ нашего труда служить изслѣдованіе тѣхъ измѣненій въ организаціи и компетенціи кастильскихъ кортесовъ, которыхъ имѣли мѣсто на протяженіи ихъ исторіи отъ 1188 до 1520 г., т. е. начиная съ момента вступленія средняго сословія въ составъ кортесовъ и кончая эпохой возстанія комунеровъ. Этотъ періодъ представляеть вполнѣ законченную страницу въ исторіи кастильскаго парламентарнаго строя, имѣвшаго приблизительно общую участъ съ представительными учрежденіями большинства другихъ странъ Западной Европы: достигнувъ въ XIV в. наивысшаго развитія, въ теченіе слѣдующаго столѣтія онъ подвергся процессу медленнаго разложенія, по мѣрѣ успѣховъ стремленій королевской власти къ централизаціи и абсолютизму. Но представляя сходство съ общею судьбой представительныхъ учрежденій Западной Европы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, кастильские кортесы, въ зависимости отъ национальныхъ особенностей развитія общества, выработали свою отличительную физіономію, которая вполнѣ ясно обрисовалась въ ту эпоху, когда учрежденіе, достигши высшаго могущества и значенія, стало клониться къ упадку: они отличались рѣзко выраженнымъ демократическимъ характеромъ, благодаря тому исключительному положенію, которое занимали въ нихъ представители средняго сословія, пользовавшіеся преобладаніемъ надъ представителями двухъ высшихъ.

Поставленный нами вопросъ, недостаточно разработанный въ исторической литературѣ, представляетъ общий интересъ съ точки

зрѣнія сравнительного изученія западно-европейскихъ представительныхъ учрежденій, и для изслѣдованія его мы имѣли возможность, въ извѣстныхъ случаяхъ, дополнить изданный, но далеко еще не исчерпанный матеріалъ, новымъ, неизданнымъ. Эти обстоятельства опредѣлили выборъ этого вопроса предметомъ нашего специального изслѣдованія.

Изученіе парламентарной исторіи Кастиліи возникло въ Испаніи подъ вліяніемъ потребностей и злобы дня и совершалось, такъ сказать, въ пылу политической борьбы нынѣшняго столѣтія. Большинство испанскихъ ученыхъ и публицистовъ обращались къ изученію особенностей древней кастильской конституції, какъ къ одному изъ средствъ доставить торжество исповѣдуемой доктринѣ, аргументируя ее историческими фактами. Собрание кортесовъ въ Кадикѣ и провозглашеніе ими конституціи 1812 г., уничтожавшей основы „стараго порядка“ и вводившей въ странѣ либеральную политическую организацію, дало поводъ испанскимъ публицистамъ и ученымъ заняться изученіемъ вопроса, насколько новая конституція имѣть за собою авторитетъ и основанія исторического права, насколько она представляетъ органическое явленіе въ исторіи конституціонаго развитія Испаніи, а не продуктъ французской политической мысли, перенесенный на испанскую почву. Для разрѣшенія этой проблемы они обратились къ изученію исторіи средневѣковыхъ представительныхъ учрежденій страны, и, какъ результатъ этого изученія, появился рядъ сочиненій по парламентарной исторіи Испаніи, написанныхъ съ противоположныхъ точекъ зренія, наиболѣе типичными выразителями которыхъ были два выдающіеся юриста—Марина¹⁾ и Семпере²⁾. Марина—восторженный патріотъ и поклонникъ средневѣковыхъ вольностей Кастиліи и кадикской конституціи 1812 г., въ которой видѣть возрожденіе началъ, дѣйствовавшихъ въ средневѣковой Кастиліи, тогда какъ Семпере, наоборотъ,—сторонникъ монархического абсолютизма, и провозглашеніе конституціи 1812 г. рассматриваетъ, какъ настоя-

¹⁾ Teoria de las cortes ó grandes juntas nacionales de los reinos de Leon y Castilla, 3 т. Madrid, 1813.

²⁾ Histoire des cortes d'Espagne. Bordeaux, 1815; Lettres à Mm. F. G. et Jean Nelberto sur l'histoire des cortes d'Espagne et sur les refugiés espagnols, Bordeaux, 1817; Memorias para la historia de las constituciones espanolas, Paris, 1820; Resumen de la historia de las antiguas cortes de Espana, Madrid, 1834; Historia del derecho espanol continuado hasta el enlace de Isabel II, Barcelona, 1847.

щую революцию. Каждый изъ нихъ являлся членомъ известной политической группы, носителемъ известныхъ политическихъ идеаловъ и смотрѣль на прошлое глазами своей партии. Но если оба грѣшать въ большей или меньшей степени отсутствиемъ должнаго объективизма, то положительные качества труда Маринь ставятъ его несравненно выше сочиненій Семпере, имѣющихъ полемическій характеръ и исключительно основанныхъ на данныхъ, впервые изданныхъ и классифицированныхъ трудолюбивымъ каноникомъ церкви св. Исидора въ Мадридѣ.

Въ послѣдующее время изученіе исторіи кастильскихъ кортесовъ значительно было облегчено новыми изданіями ихъ актовъ, предпринятыми Мадридской Академіей исторіи. Первое изданіе, вышедшее въ 1836 г. и обнимавшее періодъ отъ 1020 до 1393 г.¹⁾, оказалось крайне неполнымъ и неудовлетворительнымъ въ отношеніи критики текста. Академія рѣшила предпринять новое, болѣе научное, и позаботилась о собраніи возможно большаго количества рукописнаго матеріала изъ различныхъ библіотекъ и архивовъ. Этимъ матеріаломъ, который предполагалось издать и который сосредоточенъ былъ въ Библіотекѣ Академіи исторіи, не замедлилъ воспользоваться академикъ Мануэль Кольмайро для тѣхъ главъ своей книги „De la constitucion y del gobierno de los reinos de Leon y Castilla“, (Madrid, 1855, 2 т.), которыя трактуютъ о древнихъ кортесахъ Кастиліи (т. I, сар. XXVII—XXVIII).

На основаніи этого матеріала новый изслѣдователь конституціонной исторіи Кастиліи пришелъ къ выводамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые около полу-вѣка раньше такъ авторитетно были высказаны Мариной. Если съ точки зрењія послѣдняго древніе кортесы Кастиліи являлись средоточиемъ народнаго суверенитета, то Кольмайро видѣть въ нихъ не болѣе, какъ совѣщательное собраніе, всегда находившееся въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ королевской власти. Является ли возврѣніе Кольмайро на роль древнихъ кортесовъ результатомъ безпристрастного и научнаго изученія фактovъ, представляемыхъ исторіей этого учрежденія, или, наоборотъ, оно образовалось у него такъ же, какъ и у его предшественниковъ подъ влі-

¹⁾ Coleccion de cortes de los reinos de Leon y Castilla, 38 cuadernos, Madrid, 1836.

яніемъ постороннихъ обстоятельствъ? „Необходимо, говорить онъ въ предисловіи къ названному сочиненію, обращаться съ вопросами къ нашимъ предкамъ для распознанія ошибокъ нынѣшняго поколѣнія, и если исторія заслуживаетъ названія наставницы жизни, то читая со вниманіемъ написанное на ея скрижалахъ, мы сумѣемъ открыть причины нашего благополучія или несчастій“¹⁾). Эти слова въ устахъ испанского историка, никогда не забывающаго настоящаго при изученіи прошлаго, имѣютъ особый смыслъ и значеніе и заставляютъ съ извѣстною осторожностью относиться къ его заключеніямъ, особенно, если принять во вниманіе тѣ методологические пріемы, которыми пользуется онъ при изслѣдованіи даннаго исторического вопроса. Не раздѣляя возврѣній Марини на характеръ дѣятельности и на политическую роль кортесовъ, Кольмейро раздѣляетъ методологіческій недостатокъ своего предшественника, заключающійся въ томъ, что онъ не указываетъ хронологическихъ предѣловъ и эпохъ въ развитіи кортесовъ, рассматривая отдельныя стороны учрежденія на протяженіи всей его исторіи, какъ будто оно во всѣ эпохи своего существованія обладало одними и тѣми же отличительными свойствами и значеніемъ, а не подвергалось измѣненіямъ въ зависимости отъ общихъ условій политического развитія кастильского общества. Въ однѣ эпохи кастильскіе кортесы обладали большимъ значеніемъ, въ другія—меньшимъ, и соединять въ одну картину данныя изъ различныхъ эпохъ значитъ лишать учрежденіе его истинной исторической физіономіи, давать изображеніе такого политического строя, который никогда не существовалъ и не могъ существовать, вслѣдствіе послѣдовательности развитія общественныхъ явлений. Пользуясь подобнымъ методомъ, Марина имѣлъ возможность болѣе рельефно изобразить факты древнѣйшей исторіи кортесовъ, когда они дѣйствительно обладали огромнымъ значеніемъ, а Кольмейро—сосредоточить главное вниманіе на позднѣйшихъ эпохахъ, когда учрежденіе приходило въ упадокъ. Вслѣдствіе этого, каждый изъ названныхъ изслѣдователей, пользуясь вполнѣ достовѣрными источниками, могъ прійти къ противоположнымъ заключеніямъ и дать изображенія одного и того же учрежденія, совершенно отличныя между собой.

Указанного методологического недостатка Кольмейро не избѣгаетъ и въ новомъ изданіи своего обзора исторіи кастильскихъ

¹⁾ Op. cit., t. I, p. IX.

кортесовъ, составляющемъ введеніе къ 4-хъ томному собранію актовъ кортесовъ, опубликованному тою же Академіей исторіи¹⁾. Введеніе раздѣляется на двѣ части: въ первой, съ небольшими измѣненіями, воспроизведены указанныя уже главы книги „De la constitucion y del gobierno“, а вторая—представляетъ длинный, но не имѣющій особой цѣны обзоръ содержанія названныхъ актовъ²⁾. Упомянутыми монографіями и исчерпывается спеціальная литература по исторіи кастильскихъ кортесовъ. Считаемъ лишнимъ обращаться къ характеристикѣ общихъ сочиненій по исторіи Испаніи и по исторіи испанского права, такъ какъ оригиналныхъ возврѣній на вопросы парламентарной исторіи Кастиліи тамъ мы не находимъ. Результаты изслѣдованій Кольмейро не вытѣснили и не могли вытѣснить возврѣній его предшественниковъ на основные вопросы древней кастильской конституції. Эти вопросы и въ настоящее время продолжаютъ служить предметомъ споровъ³⁾, но для научнаго разрѣшенія ихъ служить большимъ препятствіемъ отсутствіе должнаго объективизма среди представителей испанской исторіографіи, на развитіе которой политическія бури нынѣшняго столѣтія наложили свою неизгладимую печать. Что касается вѣ-испанской исторической литературы, то спеціальныхъ работъ по исторіи кортесовъ Кастиліи она почти не имѣетъ, если не считать нѣсколькихъ французскихъ сочиненій, написанныхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія подъ вліяніемъ трудовъ Марини или Семпере и имѣющихъ компилятивный характеръ⁴⁾.

¹⁾ Cortes de los antiguos reinos de Leon y de Castilla. Introduccion por D. Manuel Colmeiro, Parte I—II, Madrid, 1883—84.

²⁾ Мы не можемъ согласиться съ оцѣнкой работъ Кольмейро, которую дѣлаетъ вѣмецкій критикъ Haebler (Hist. Zeitschr., hgb. von H. v. Sybel, 55 B. Munchen und Leipzig, 1886, s. 166), отдавая имъ полное предпочтеніе передъ трудами его предшественниковъ, и особенно Марини; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай дать фактическія основанія для такого несогласія.

³⁾ ...no falta quien lo repita a n hoy dia que las libertades que defendian no eran en modo alguno conquistas del Enciclopedismo y la revolucion francesa sino restauracion feliz de las antiguas libertades esp anolas, muertas a manos de las Asturias cuando al morir en Villalar Padilla
morir vi  en el su libertad Castilla.

D. Antonio Sanchez Moguel, Naturaleza politica y literaria de las cortes peninsulares anteriores al sistema constitucional, Madrid, 1894, p. 28.

⁴⁾ Такова, наприм., работа Laffon Saint Marc, Essai historique sur les cortes ou assembl es nationales d'Espagne (Castelnau-dary, 1884), представляющая скорѣе

Таково въ общихъ чертахъ современное состояніе научной обработки материала, относящагося къ интересующимъ насъ вопросамъ, которую, по вышеизложеннымъ причинамъ, нельзя признать законченной. Ограничивъ свою задачу определеннымъ періодомъ въ исторіи кастильскихъ кортесовъ, мы изслѣдовали отдѣльныя стороны учрежденія, слѣдя за измѣненіями каждой изъ нихъ въ теченіе періода отъ конца ХІІ до начала XVI в. Въ своемъ анализѣ парламентарного строя Кастиліи мы старались не упустить изъ виду исторической точки зрења, помня, что учрежденія, какъ и общественная жизнь, постоянно подвержены измѣненіямъ, и что обобщенія относительно свойствъ и значенія данного института, вѣрныя для одного періода, могутъ оказаться ошибочными для другого. Главными источниками для нашего труда служили акты кортесовъ, изданные Мадридской Академіей исторіи, коллекціи документовъ, опубликованныя Мариной и Бенавидесомъ, хроники отъ конца ХІІ до начала XVI в. въ изданіяхъ Роселля и Академіи, а также въ древнихъ компиляціяхъ Суньиги, Кольменареса, Саласара-и-Кастро и др., собраніе древнихъ законодательныхъ памятниковъ Кастиліи въ изданіи Алку-

изложеніе политической, чѣмъ парламентарной исторіи Испаніи, и наполненная рядомъ грубыхъ фактическихъ ошибокъ (такъ, по мнѣнію Laffon'a (р. 249), число городовъ съ правомъ голоса въ кортесахъ первоначально было ограничено и возрастало по мѣрѣ развитія кастильской монархіи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ исторія представительства кастильскихъ общинъ представляетъ совершенно обратное явленіе; выступленіе среднаго сословія въ кортесахъ онъ датируетъ одинаково для Арагона и Кастиліи началомъ или половиной XII в. (р. I) и т. д.); сочиненіе Louis Viardot, *Histoire des Assemblées nationales en Espagne* (Paris, 1835 *Extrait de la Revue républicaine*), въ которомъ авторъ доводитъ до крайнихъ преувеличений Марину (такъ, онъ гораздо категоричнѣе Марину опредѣляетъ права кортесовъ собираться, въ случаѣ надобности, безъ королевскаго приглашенія (р. 76), издавать законы (*Il est presque superflu de dire que le pouvoir législatif résidait tout entier dans les cortès*, р. 80) и т. д. Такимъ же характеромъ преувеличеній и ошибокъ отличается книга Victor'a du Hamel, *Histoire constitutionnelle de la monarchie espagnole depuis l'invasion des hommes du Nord jusqu'à la mort de Ferdinand VII* (2 т. Paris, 1845). Въ немецкой, англійской и др. литературахъ, насколько намъ извѣстно, нѣть ни одного специального изслѣдованія по исторіи кастильскихъ кортесовъ. Поль зующаяся заслуженной извѣстностью книга Hallam'a. *View of the state of Europe during the middle ages* заключаетъ въ себѣ пѣную главу, посвященную внутренней исторіи Испаніи въ средніе вѣка (*Chapter IV. The history of Spain to the conquest of Granada*), причемъ авторъ въ изложеніи особенностей кастильской конституціи, по собственному признанію, во всемъ сгѣдуется Маринѣ.

бильи и, наконецъ, рукописный материалъ, собранный нами частью въ Парижской национальной библиотекѣ и, главнымъ образомъ, въ испанскихъ архивахъ и библиотекахъ. Считаемъ долгомъ здѣсь же выразить свою глубокую и искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ такъ или иначе, въ Россіи или за предѣлами ея, выполненію поставленной нами задачи.

II.

Прежде чѣмъ ввести читателя въ кругъ изученія вопросовъ, относящихся къ организаціи и компетенціи кастильскихъ кортесовъ въ періодъ ихъ могущества и упадка, считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на ходъ исторіи этого учрежденія и установить важнѣйшія эпохи ея.

Кастильские кортесы возникли и образовались изъ тѣхъ элементовъ политической и соціальной организаціи Испаніи, которые частью сохранились, какъ наслѣдство отъ Вестготской монархіи, разрушенной арабами въ 711 г., частью вновь народились подъ вліяніемъ феодализаціи общества въ послѣдующее время. Толедскіе соборы Вестготской эпохи, отличавшіеся теократическимъ характеромъ, астурійские и леонскіе соборы ранніго періода „Reconquista“, въ которыхъ духовный элементъ уравновѣшивался свѣтскимъ, и наконецъ появленіе въ концѣ XII в. представителей средняго сословія рядомъ съ членами двухъ высшихъ въ національномъ собраніи Леонскаго королевства—таковы были три послѣдовательныя стадіи въ образованіи представительного образа правленія въ средневѣковой Кастиліи, существовавшей сперва, какъ вассальное по отношенію къ Леону графство, и получившій около половины X в. значеніе независимаго королевства, въ составъ котораго постепенно инкорпорированы были остальная части Пиренейскаго полуострова.

Въ Леонѣ и Кастиліи среднее сословіе получаетъ доступъ къ участію въ представительствѣ интересовъ страны значительно раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ¹⁾, благодаря раннему

¹⁾ Въ Леонѣ и Кастиліи выступленіе средняго сословія датируется раньше, чѣмъ въ представительныхъ собраніяхъ другихъ государствъ Пиренейскаго полуострова: въ Каталоніи—1218 г., Португаліи—1254, Арагонѣ—1274, Валенсіи—1283

развитію политическої свободы леоно-кастильскихъ общинъ, возникавшихъ и усиливавшихся подъ вліяніемъ потребностей безпрерывной борьбы съ маврами. Въ интересахъ успѣха борьбы короли и сеньоры должны были привлекать къ веденію ея всѣ классы населенія, уступать имъ извѣстныя льготы и привилегіи, посредствомъ которыхъ возможно было удержать колонистовъ на опасныхъ пунктахъ вновь завоеванной у мавровъ територіи. Этимъ путемъ леоно-кастильскія общины пріобрѣли свои муниципальные фуэрости, служившіе основаниемъ широкой автономіи, и усвоили военную организацію, служившую для нихъ не только оплотомъ противъ арабовъ, но и средствомъ защищать свои фуэрости противъ нарушенія ихъ королями или сеньорами. Дальнѣйшимъ шагомъ развитія общинъ было образованіе между ними военныхъ союзовъ или германадѣ, возникающихъ еще въ XI и XII вв., но получающихъ особенное развитіе въ теченіе XIII в. Распространеніе организаціи германадѣ на всѣ общины Кастиліи въ теченіе XIII в. сообщило имъ необыкновенное могущество и дало имъ перевѣсь надъ остальными элементами общества. Благодаря этому, войди въ составъ кортесовъ въ 1188 г., представители общинъ могли постепенно монополизировать учрежденіе и отодвигать на второй планъ духовенство и дворянство. Члены кастильской аристократіи обладали большимъ индивидуальнымъ значеніемъ и силой, отличались буйнымъ своеволіемъ, но не имѣли корпоративной организаціи, сообщавшей такое могущество арагонскому дворянству и кастильскимъ городамъ¹⁾. Разъединеніе силь дворянства

Наваррѣ - 1300 г. (Sanchez Moguel, op. cit., p. 19). Wentwort Webster высказалъ любопытную гипотезу объ установлениі въ Англіи парламентского представительства буржуазіи въ 1265 г. Симономъ Монфоромъ подъ вліяніемъ пиренейскихъ фуэросовъ, усвоенныхъ имъ въ періодъ управления Гіенно (1248—53), см. *Influencio de los fueros pirenaicos en la constitucion inglesa* (*Boletin de la Instit. libre de enseanza*, t. VII, pp. 357 - 360; t. VIII, pp. 10—15. Madrid, 1884—85).

¹⁾ Попытки Фердинанда IV установить миръ и согласіе среди враждовавшаго между собою дворянства вызвали слѣдующій характерный отвѣтъ D. Diego Lopez de Haro, одного изъ наиболѣе важныхъ представителей кастильской знати, боровшагося съ инфантомъ д. Хуаномъ изъ-за обладанія Бискайей: „Senor, j quién vos cuita á vos tanto, porque vos avengades á todos los omes buenos de la vuestra tierra? Ca cierto sed que si nos todos somos avenidos, toda la avenencia será sobre vos; lo uno en que no vos sufriremos que agades ninguna cosa de quantas vos facedes; lo otro en que querremos nos ser senores y poderosos de todos los reynos, y querremos que todos los hechos se libren por nos, y

и сплочение общинъ въ союзы—таковы два обстоятельства, опредѣлившія политическое преобладаніе послѣднихъ въ кортесахъ. Сила и крѣпость учрежденія вслѣдствіе этого поставлена была въ полную зависимость отъ той стойкости, которую могло проявить среднее словіе въ защитѣ своихъ правъ и интересовъ противъ враждебныхъ элементовъ. Пока сохраняли свое значеніе и силу устои муниципальной жизни, пока общины обладали широкой автономіей и пока въ составѣ ихъ не вошли посторонніе элементы, враждебные этой автономіи, до тѣхъ поръ кортесы, являвшіеся выраженіемъ могущества городовъ, оказывали широкое вліяніе на управление и законодательство страны и служили какъ бы осью, вокругъ которой врацалась вся политическая жизнь общества. XIII в. и значительная часть XIV-го были эпохой расцвѣта муниципальной жизни и высшаго могущества кортесовъ, значеніе которыхъ не уступало авторитету королевской власти. Но съ половины XIV в. въ относительномъ положеніи политическихъ элементовъ страны равновѣсіе нарушается въ пользу королевской власти, усиленію которой столько же способствовало удачное веденіе борьбы противъ мавровъ, сколько и утвержденіе въ сознаніи общества идей римскаго права, носителями которыхъ были легисты. Благодаря ихъ практической дѣятельности и преподаванію римскаго права въ школахъ, идея о королевской власти, какъ источникѣ законодательства и права, пріобрѣтала все больше сторонниковъ, и въ 1348 г., въ кортесахъ Алькала де Энаресъ уже возможно было объявить законодательный сборникъ Альфонса X „Las Siete Partidas“, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юристовъ, кодексомъ дѣйствующаго права. Одновременно съ этимъ во внутренней организаціи общинъ происходили измѣненія, лишившія мало по малу кастильскія муниципія ихъ прежней автономіи и поставившія управление ихъ подъ контроль назначаемыхъ королемъ чиновниковъ, т. наз. коррехидоровъ.

Результаты внутреннихъ измѣненій и реформъ, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Альфонса XI, не замедлили сказаться при сынѣ его Петрѣ Жестокомъ. Король этотъ рѣже своихъ предшественниковъ созывалъ кортесы и управлялъ страной, какъ тиранъ. Но неумѣренное пользованіе властью вызвало противъ него реакцію. Петръ былъ

asi se tornará toda esta avenencia en vuestro dano y desapoderamiento". Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. LXII.

низложенъ и убить своимъ незаконнымъ братомъ Генрихомъ Трастамара, который и овладѣлъ престоломъ при помощи своихъ многочисленныхъ сторонниковъ (1369). Сословная монархія неожиданно получила новую силу съ переходомъ престола во власть новой династіи, которая, нуждаясь въ поддержкѣ сословій для защиты своихъ сомнительныхъ правъ на престолъ противъ притязаній герцога Ланкастерского, женатаго на Констансѣ, дочери Петра Жестокаго, должна была уважать сословныя привилегіи и фуэрсы и управлять страной согласно съ волей кортесовъ. Но въ слѣдующемъ столѣтіи, когда дѣйствие этихъ случайныхъ причинъ ослабленія королевской власти прекратилось и положеніе новой династіи было упрочено на кастильскомъ престолѣ, процессъ разложения началъ сословной монархіи возобновился съ новой силой и вмѣстѣ съ тѣмъ представительный образъ правленія все болѣе лишился, если можно такъ выразиться, питательныхъ соковъ въ окружающей средѣ. Въ царствованіе Хуана II, несмотря на беспрестанныя смуты, монархическая идея все болѣе крѣпнетъ, благодаря образованію королевской партіи, стоявшей независимо отъ сословныхъ интересовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей которой былъ Альвара де Луна. Ограниченная монархія постепенно обращалась въ абсолютную, и кортесы утрачивали свою силу и значеніе. Ничто не могло остановить процесса разложения средневѣковыхъ учрежденій и нарожденія нового порядка вещей, и личные свойства королей, занимавшихъ престолъ Кастиліи въ теченіе большей части XV в., именно ничтожность Хуана II и полная неспособность къ правленію Генриха IV, нисколько не помѣшали королевской власти достигнуть полнаго торжества надъ оппозиціонными элементами въ царствованіе „католическихъ королей“, Изабеллы и Фердинанда.

Кромѣ общихъ причинъ, способствовавшихъ упадку парламентарного строя Кастиліи въ теченіе XV в., были и частныя, захватившіяся въ недостаткахъ регламентаціи правъ и организаціи народнаго представительства, въ отсутствіи солидарности интересовъ не только между отдѣльными чинами, входившими въ составъ кортесовъ, но даже и въ средѣ средняго сословія, которому принадлежало тамъ преобладающее значеніе и которое сдѣлало изъ права голоса въ кортесахъ привилегію лишь 18 городовъ. Этими слабыми сторонами парламентарного строя Кастиліи носители монархической

идеи искусно пользовались для установления въ странѣ королевскаго абсолютизма, слѣдя въ этомъ отношеніи общему теченію эпохи.

Но не всегда подобный процессъ замѣны одного порядка вещей другимъ совершается безболѣзенно, рѣдко защитники старыхъ устоевъ жизни не вступаютъ въ борьбу съ представителями новыхъ идей и интересовъ. Борьба эта подчасъ принимаетъ острый и опасный характеръ, если „новые люди“ въ своемъ стремлѣніи ускорить паденіе старинныхъ учрежденій слишкомъ круто обращаются съ защитниками старины, не щадя ихъ правъ, чувствъ и интересовъ. Тогда личные свойства дѣйствующихъ лицъ, особыя условія и обстановка событій драматизируютъ эту борьбу, сильно дѣйствуютъ на воображеніе не только современниковъ, но и потомковъ, которые въ одномъ событіи, какъ въ фокусѣ, воплощаютъ борьбу цѣлаго ряда поколѣній, и результаты продолжительного процесса измѣненій въ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ сводятъ въ послѣдствіямъ опредѣленного исторического момента. Такой характеръ имѣлъ тотъ драматический эпизодъ въ исторіи разложения древняго парламентарнаго строя Кастиліи, который извѣстенъ подъ именемъ восстанія комунеровъ и служитъ предѣльнымъ хронологическимъ пунктомъ настоящаго изслѣдованія. Событіе это настолько замѣчательно и такъ тѣсно связано съ изучаемыми нами вопросами, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на общей его характеристицѣ и оцѣнкѣ.

III.

Восстаніе комунеровъ подготовлялось исподволь, во время тѣхъ смутъ, которыя сопровождали переходъ престола изъ рукъ кастильской династіи во власть австрійскаго дома. Еще до прибытія Карла V въ Испанію въ странѣ существовало извѣстное раздраженіе противъ новой династіи, и однимъ изъ выразителей этого раздраженія былъ никто иной, какъ дѣдъ Карла, Фердинандъ Католикъ. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Изабеллы Кастильской престолъ перешелъ во власть дочери ея Іоанны, мужъ которой, Филиппъ Красивый, стремился создать въ странѣ партію, чтобы при помощи ея и подъ предлогомъ душевной болѣзни королевы получить самостоятельное управлѣніе государствомъ. Въ этихъ честолюбивыхъ стремлѣніяхъ Филиппъ столкнулся съ интересами Фердинанда, которому, по смыслу завѣща-